

К РАБОТЕ МЕЩЕРЯКОВА (ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ А.Д. МАЙДАНСКОГО)

Э.В. ИЛЬЕНКОВ

Москва, Российская Федерация

В 1963-м в подмосковном Загорске была основан детский дом для слепоглухонемых. Научным руководителем его стал Александр Иванович Мещеряков, в то время заведовавший лабораторией в Институте дефектологии АПН. Четыре года спустя к эксперименту подключился Эвальд Васильевич Ильенков. Публикуемый впервые архивный текст «К работе Мещерякова» предназначался для выступления на Президиуме АПН в феврале 1973 года. В нем Ильенков кратко формулирует свое понимание психического образа как свертывания временного процесса деятельности в пространственную форму предмета и высказывает ряд глубоких соображений о связи психики и языка, знака и значения, слова и действия, на основании данных Загорского эксперимента. Процесс формирования образа демонстрируется на примере случая «Юля и овраг». После прогулки по оврагу слепоглухая девушка смогла вылепить контур оврага из пластилина; не видя овраг, она воспроизвела траекторию движения своего тела в виде пространственного объекта. Формирование языка у слепоглухих начинается с жестовой речи, преобразуемой далее в словесную: сначала дактильную, затем письменную и, наконец, звуковую. Экспериментальное исследование этой трансформации языка позволяет решить вопрос о способе связи речи и языка с объективной реальностью.

Ключевые слова: знак, символ, жест, интуиция, слово, вообще, психика, общение.

Финансирование. Публикация подготовлена А.Д. Майданским при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 20-18-00028.

Благодарности. Выражаю признательность дочери Э.В. Ильенкова Е.Э. Иллеш за предоставленную возможность работать в домашнем архиве и согласие на публикацию рукописи.

Для цитаты: *Ильенков Э.В.* К работе Мещерякова (послесловие и примечания А.Д. Майданского) // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 164—174. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290410>

ON THE WORK OF MESHCHERYAKOV (AFTERWORD AND NOTES BY A.D. MAIDANSKY)

EVALD V. ILYENKOV

Moscow, Russia

In 1963, a children's home for the deaf-mute was founded in Zagorsk, near Moscow. Alexander Meshcheryakov, the head of the laboratory at the Institute of Defectology of the Academy of Pedagogical Sciences, became its supervisor. Four years later, Evald Ilyenkov joined the experiment. The archival text "On the work of Meshcheryakov", published now for the first time, was presented at the Presidium of the USSR Academy of Pedagogical Sciences in February 1973. In this paper, Ilyenkov briefly formulates his conception of psychical image as condensing of a temporal process of activity into a spatial form of object, and suggests a number of deep thoughts on connection of the psyche and language, sign and meaning, word and action, taking his stand on the data of the Zagorsk experiment. The process of image formation is demonstrated by the case "Julia and the ravine". After a walk along the ravine, a deaf-blind girl was able to mould the contour of the ravine from plasticine. Without seeing the ravine, she reproduced the trajectory of her body's motion as some spatial object. The formation of language in deaf-blind persons begins with gesture speech, which is gradually transformed into verbal speech — first in its dactyl, then written and, finally, sound form. The experimental study of this transformation helps to solve the question of how speech and language are connected to objective reality.

Keywords: sign, symbol, gesture, intuition, word, universal, psyche, communication.

Funding. The publication is prepared by A.D. Maidansky and funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 20-18-00028.

Acknowledgements. I express my gratitude to E.V. Ilyenkov's daughter E.E. Illesh for the granted access to the home archive and her consent to publish the manuscript.

For citation: Ilyenkov E.V. On the Work of Meshcheryakov (Afterword and Notes by A.D. Maidansky). *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021. Vol. 29, no. 4, pp. 164—174. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290410>

Введение

В картине «жест—действие—результат» выявляются несколько очень важных обстоятельств.

Первое. Это всегда цепочка, с *началом* и *концом*, причем конец дан в начале, предусмотрен в жесте. Во-вторых, жест всегда «означает» одновременно и *действие*, и *предмет этого действия* — здесь разведения од-

ного от другого нет. В «слове» это тождество не так легко рассмотреть, там оно с самого начала выражается через «взрослые» слова и потому формально может оказаться либо обозначением предмета, либо обозначением действия с ним. Но для ребенка («для себя») — они тоже сливаются, и в слове. Значение и тут *символично*, если под символом иметь в виду не «предмет» просто, а предмет, по поводу коего завязана совокупность ритуализированных действий. Например — крест христиан. В самом «кресте» эти действия не «содержатся», они именно завязаны *вокруг и по поводу* сего предмета.

Поэтому тут можно четко показать переход от *символа* (жеста) к *знаку* (к слову), к раздельному обозначению *предмета* и *действия*, чего форма *символа* никак не обеспечивает. Этот акт различения «субъекта» (т. е. «действия») и «объекта», предмета как такового, впервые и начинает совершаться только вместе с появлением *слова* (= *знака*). Только *знак* создает возможность проводить такое различие. (Что оно в реальности есть длительнейший процесс, реализующий эту возможность, сюда еще не относится.)

Далее — уже в пределах *жестовой речи* — просвечивает та закономерность, что процесс умножения числа «значений» (= «жестового запаса») ни в коем случае не есть простое нагромождение несвязанных между собою *символов* или *знаков*, не есть простое коллекционирование «разных слов», — а есть *система*, находящаяся в процессе *саморазличения*. В сознании и для сознания (то, что Гегель метко назвал «в себе и для себя») это всегда процесс выделения в составе суммарного действия его деталей. От абстрактного к конкретному. Жест «есть = ложка», т. е. тождество цели-потребности и предмета, в целом остается рамой, внутри которой «вычлениваются» все новые и новые подробности — частные действия, входящие в систему обеспечения основного («всеобщего») действия. «Хочу есть» — «ложка», — между этими двумя крайними точками, между потребностью-целью и ее реальным выполнением как бы «*вставляются*» (разрывая цепь и одновременно ее связывая все новыми звеньями) действия, имеющие «смысл» только как звенья этой цепочки. Лишь потом они обретают значение «сами по себе и для себя», — например, умывание перед едой, повязывание фартучка, утирание физиономии и т. д. и т. п.

Стало быть, система «значений» (сначала жестов, потом слов) растет именно как *система*, а не как коллекция «значений». Поэтому-то слова и становятся сразу же в определенные грамматические и логические конструкции, схемы, их не приходится потом «связывать» особо. Напротив, все идет по линии выделения, *анализа* сложного психического образования, а не по линии *синтеза* такового из разрозненных «простых».

Здесь «частное» действие и предмет (ложка) оказывается «для себя» *всеобщим* по отношению к другим столь же «частным». Почему? — Да

потому, что зацепиться можно лишь за то действие, которое непосредственно реализует собою «потребность, побуждение и цель». Вначале, естественно, — органически врожденную потребность. В пище.

Начать с действия, не имеющего никакого отношения к удовлетворению органических нужд, сразу с действия по норме «культуры» путем «дрессуры» — значит обречь себя на неудачу.

Вся развитая система действий (а потому и значений) вначале формируется как система *средств*, обслуживающих животно-биологическую нужду — «потребность»; лишь потом она становится настолько развитой и «для себя» настолько «интересной», что отношение перевертывается и «пища — ложка» становится из всеобщего — «частным».

Вначале человек действительно «живет, чтобы есть», и лишь потом «ест, чтобы жить», — и вот этот-то пункт для возникновения человеческой психики становится принципиально важным. Здесь летит и фрейдовская схема, согласно которой *все* специально-человеческие формы отношений к миру суть только *средства* реализации изначально-органических импульсов. На самом-то деле отношение перевертывается довольно рано.

Проблема «интуиции»¹ — одна из самых загадочных — заключается прежде всего в том, каким образом человек может в виде состояния своего собственного тела испытывать («переживать») форму другого тела (и расположения других тел в пространстве и времени).

Здесь происходит свертывание временного процесса [деятельности] в пространственно застывшую, зафиксированную форму [предмета] и обратное ему развертывание. Последовательность движения от точки к точке предстает как рядоположенность точек (одновременное, «симультанное») и наоборот. «Психика» и обеспечивает сей переход и *есть* этот переход.

Юлю В.² водят гулять по лесу, по оврагу весьма замысловатой формы. Вернувшись, она выполняет в пластилине довольно точно форму оврага (дороги, тропки и т. д.).

Спрашивается: *что* она непосредственно лепит?

Ясно: траекторию своего движения.

¹ Термин «интуиция» употребляется здесь в особом смысле, который Ильенков вычитал в трудах Спинозы.

² Юлия Виноградова — слепоглая воспитанница И.А. Соколянского (1889—1960), дело которого продолжил его ученик А.И. Мещеряков. В 1955 году Соколянский начал экспериментальное обучение девочки в лаборатории по проблемам слепоты Института дефектологии Академии педагогических наук РСФСР. Юлия научилась хорошо говорить, стала квалифицированной швеей — ее галантерейные изделия продавались даже в московском ГУМе.

А *тем самым* (а ничем другим) — форму оврага.

Вот вам и решение проблемы «интуиции» в ее самой простой, элементарной и всеобщей форме. Дело тут в том, что траектория движения субъекта буквально *конгруэнтна* с контуром предмета действия (в данном случае — движения, передвижения), а «траектория» активного действия и закодирована в виде «состояния тела» — мышц, нервов, мозга.

Воспроизводя всю цепочку своих действий (движений по форме тела), человек *тем самым* воспроизводит и форму этого тела. В виде ряда состояний моего тела тут оказалась закодирована (выражена на другом «языке») форма другого — внешнего — тела, и «обратный перевод» на язык оригинала³ это обстоятельство *доказывает*.

Конечно, здесь надо быть осторожнее с выражением «язык» — тут в лучшем случае только аналогия. Но двуязычный человек именно это и может проделывать, переходя от языка к языку и в каждом из них получая результат, не заключающийся в другом языке.

Это, однако, возможно (теоретически) только при том допущении, что на обоих языках *выражается один и тот же предмет*. Иначе — нонсенс. То есть «для себя» тут начинают играть действия, не имеющие ничего общего с непосредственной реализацией биологически врожденного импульса. Это — тот же самый «троянский конь»: биологическое начало в субъекте, будучи вначале «энтелехией»⁴ всего развития, становится в иное отношение к обеспечивающим его действиям, перестает быть *целью*, перестает быть «*всеобщим*», «внутри» коего выделяются «особенные», «частные» предметы и действия.

Вдруг все буквально «переворачивается», и то, что было «целью», становится средством, частностью (хотя и необходимой) в составе цепи действий, преследующих совсем иную *цель* — специально-человеческую цель. И без этого перевертывания, перелома (а его и игнорирует любая биологическая, эволюционистская концепция, в том числе фрейдистская) специально-человеческая психика *не возникает*.

Главное тут — возникновение специальной потребности — потребности в *общении*. Самый акт *общения* делается предметом особого, специально направленного внимания, без всякого отношения к «цели», которая тут достигается. Общение делается *самоцелью*, а другой чело-

³ Имеется в виду вылепленная Юлей пластилиновая модель оврага.

⁴ Здесь: внутренней причиной и целью. *Entelechia* — «завершенность, осуществленность», дословно: «имеющее цель (*telos*) в самом себе». Неологизм Аристотеля, при помощи которого выражается внутренняя целесообразность сущего. Так, душа есть «первая энтелехия» живого тела.

век — «высшим и самым интересным предметом»⁵. Этот пункт требует особого разбора.

Тут же нужно разобрать ту ситуацию, когда единичный, чувственно воспринимаемый во всей его неповторимой телесности «объект» делается для ребенка (= «для себя») *полномочным представителем рода* (вида, категории). Не надо двух, трех, достаточно *одного-единственного всеобщего*.

А не так, чтобы категория «абстрагировалась» как выражение «одинакового» — абстрактно-общего — в ряду изначально разрозненных единичных вещей, путем выявления «одинакового» в них. Этого просто нет. Здесь летит вся локковская, эмпирически-позитивистская теория обобщения, понятия, вообще формы психики.

Здесь надо обыграть как можно тщательнее мысль Маркса (18-е примечание в I томе «Капитала») насчет Петра и Павла⁶, насчет «отражения» человека в другом человеке как формы отношения к самому себе как к человеку, а к другому — как к представителю «рода» человек...

Именно тут — в анализе процесса рождения жестовой речи и ее постепенного преобразования в словесную, побуквенно фиксируемую речь, сначала дактильную, а потом и письменную, и звуковую, — можно надеяться научно понять и этот вопрос — вопрос о способе замыкания речи на объективную реальность. Вопрос, который превратился в XX веке в настоящий камень преткновения для любой гносеологической системы.

Я вынужден прекратить, точнее, просто оборвать свой перечень проблем, для решения которых работа лаборатории А.И. Мещерякова уже дала и продолжает каждый день давать массу ценнейших, тщательно запротоколированных экспериментальных данных.

Я думаю, что комплексный анализ всех этих данных, а также продолжение и расширение эксперимента могли бы дать чрезвычайно много для решения тех самых проблем, которые до сих пор ставятся и решаются, увы, преимущественно на вербально-спекулятивном уровне. Я думаю, что в ходе такого комплексного изучения этих фактов можно

⁵ Эту мысль Ильенков приписывал Спинозе, ссылаясь на следующие положения «Этики»: «Для человека нет ничего полезнее человека» (IV, теор. 18, схолия); «В природе вещей нет ничего единичного, что было бы для человека полезнее человека, живущего по руководству разума» (IV, теор. 35, корр. 1).

⁶ «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: “Я емь я”, то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода “человек”» [3, с. 52].

было бы найти и строго сформулировать границу, которая отделяет — и одновременно связывает — такие области исследования, как физиология высшей нервной деятельности и *психология*, как *психология* и *теория познания*. Ведь не секрет, что на границах между этими дисциплинами как раз и возникает в последние десятилетия масса пограничных инцидентов, масса взаимных обид и ситуаций взаимонепонимания.

Позвольте выразить искреннюю благодарность за то внимание, которое Президиум счел возможным уделить рассматриваемому сегодня эксперименту. Эксперимент этот, несомненно, такого внимания заслуживает, и мне хочется выразить надежду на то, что нам удастся ознакомить научную общественность страны с его смыслом и содержанием более развернуто и конкретно, чем это возможно было сделать в форме кратких сообщений и соображений.

Послесловие А.Д. Майданского к тексту доклада Э.В. Ильенкова

При жизни Э.В. Ильенкова всего несколько его работ по психологии появились в печати: большая статья «Становление личности», о Загорском эксперименте, и две—три более краткие вариации на ту же тему. Сразу после его смерти, в 1979-м, вышла программная работа «Что же такое личность?». Основной массив рукописей Ильенкова по психологической проблематике увидел свет уже в нынешнем столетии. Затем появились иностранные переводы — английские, немецкие, испанские, — начались обсуждение и полемика. Принимал в ней участие и автор этих строк, в том числе на страницах британского журнала «Mind, Culture, and Activity» (МСА). У западных психологов, причем не только марксистски ориентированных, Ильенков пользуется сегодня не меньшим вниманием и почтением, чем у философов. Во вступительной статье А. Джорнета и М. Коула (главный редактор МСА, ученик А.Р. Лурия) Ильенков назван «ключевой фигурой (a figure crucial) в развитии культурно-исторической теории деятельности» [5, р. 341].

В последние лет пять—семь с новой силой вспыхнул в печати спор о Загорском эксперименте, стартовавший ровно полвека тому назад в журнале «Природа» (Ильенкову и Мещерякову возражал биолог А.А. Малиновский). С тех пор противные партии ничуть не приблизились к согласию. В прошлом году в дебаты включился словак И. Ганзел, выступив с критикой в адрес Ильенкова на страницах «Вопросов философии» [1].

Ганзел порицал Ильенкова за неспособность объяснить процесс обучения слепоглухих детей *языку*. Разработанные Ильенковым по-

нения оказались, мол, непригодны для описания и осмысления «феномена языка», не говоря уже о практическом их применении в целях формирования речи у слепоглохих. Вот почему Ильенков, как и Мещеряков, обходил молчанием эту тему, объясняет нам Ганзел. Им обоим сильно не доставало знания новейшей философии языка — трудов Р. Карнапа и логической семантики, так что они сочли за лучшее промолчать.

Доведись Ганзелу ознакомиться с архивами Ильенкова и Мещерякова, возможно, его статья не появилась бы на свет — «и мысль бесплотная в чертог теней вернулась». В советские времена было не так легко напечататься, как сейчас, потому многое из написанного оставалось в столе. Книга Мещерякова «Развитие средств общения у слепоглохонемых (переход от предметного действия к жесту и от жестового общения к дактильной речи)» была готова к печати, заключен договор с издательством «Педагогика». Но после скоростной смерти автора рукопись потерялась — уцелел только черновик, две сотни страниц, хранящихся в архиве А.И. Мещерякова в Институте психологии РАН.

В докладе «Формирование психики у слепоглохонемых» на заседании Президиума Академии наук СССР 27 июня 1969 г. Мещеряков описывал генезис языка следующим образом: «Первой формой общения между ребенком и взрослым является совместное, но уже с самого начала разделенное действие с предметом материальной культуры. На этой основе возникает жест — то же самое действие, но при отсутствии реального предмета, — действие с идеальным, с воображаемым предметом. Жест и оказывается первой формой языка, т. е. специального средства общения человека с человеком по поводу предмета и действия с ним. Далее жест редуцируется в жест-символ, в чисто условное обозначение предмета и действия, и система таких обозначений создает прочную базу для возникновения словесной речи, вплоть до устной, звуковой. Над этой базой легко надстраивается сколь угодно дробная система знаков и развивается способность оперировать знаками в акте оформления личного опыта для другого человека, а тем самым — для самого себя как человека, как общественного существа. Словесная речь и открывает для слепоглохого ребенка дверь в сокровищницу “родового”, общечеловеческого опыта. Одновременно она открывает для него возможность осуществлять “рефлексию”, — т. е. смотреть на самого себя как бы со стороны, как бы глазами другого человека. С языком возникает своеобразное “зеркало”, в котором индивид может рассматривать сам себя, анализировать свои собственные действия и поступки с точки зрения выработанных человеком норм культуры в любой области жизни» [4].

Нетрудно убедиться, что «феномен языка» здесь понимается так же, как и в публикуемой рукописи Ильенкова. Текст под заглавием «К работе

Мещерякова» не предназначался для публикации, это просто памятка для доклада. Пять листов отпечатаны на машинке, без исправлений и почти без опечаток. Вполне возможно, стенограмма устного доклада Ильенкова и последующего обсуждения хранится в Научном архиве РАО.

В Загорском эксперименте Ильенков видел уникальный материал для научного понимания *всеобщих законов* развития человеческой психики. Формирование личности осуществляется здесь в условиях, когда ни одна специфически человеческая способность не может возникнуть стихийно, сама собой. В такие условия поставлен природой слепоглохой ребенок; без специальной системы воспитания и целенаправленных усилий педагога он обречен вести почти растительный образ жизни.

Интересно, что эксперимент продвигался с успехом на совершенно разных теоретических платформах. И.А. Соколянский приступил к делу с позиций бехтеревской рефлексологии и получил выдающийся результат: одна из его первых воспитанниц, Ольга Скороходова, стала научным работником и написала книгу. Мещеряков, называя себя учеником Соколянского, был приверженцем культурно-исторической психологии (начинал он как аспирант и сотрудник А.Р. Лурия). Таким образом, опыт воспитания слепоглохих детей вряд ли можно считать решающим, «крестовым» (*experimentum crucis*) в споре научных теорий. Он допускает разные, даже диаметрально противоположные, теоретические толкования.

Отметим один проблематичный момент в докладе Ильенкова — в предложенной им концепции формирования психики. Поэтапное обучение языку начинается с предметного жеста, утверждают Ильенков и Мещеряков. У слепоглохих детей — да, но является ли этот принцип *всеобщим*? Другие сторонники культурно-исторической теории, в числе которых и такие корифеи детской психологии, как Д.Б. Эльконин и Л.Ф. Обухова, считают первичной формой общения эмоциональную реакцию ребенка на взрослого («реакция оживления», открывающая период младенчества). Развитие эмоциональной жестикуляции и мимики, «пассивной» и «лепетной» речи предшествует появлению предметных жестов и образует основу словесно-речевого общения. Добавим, что большинство жестов, сопровождающих речь на протяжении жизни, являются эмоциональными, а не предметными.

В данном случае опыт слепоглохих скорее искажает картину развития языковых форм. Так, обыкновенная мимика формируется у них при помощи языкового общения и рельефных масок (изобретение Соколянского). Искусственное «включение» этой простейшей формы общения драматически изменяет психику слепоглохих, расширяя ее эмоциональный горизонт. А.Н. Леонтьев, бывший свидетелем опытов Соколянского

го еще в харьковский период, характеризовал наступившую перемену словом «чудо». «Речевое общение, пополнившись мимическими, эмоциональными, иначе говоря, компонентами для окружающих, зрячих людей, сделало общение с ними более синтонным, как мы говорим, то есть больше настроенным на эмоциональный фон, на наличные эмоции» [2, с. 472].

Сосредотачивая все внимание на поисково-ориентировочной деятельности и предметном общении, в процессе которого осуществляется интериоризация общественных форм деятельности, «идеального», Ильенков оставляет «на другой стороне Луны» аффективную природу общения и речи.

Простейшую форму психической деятельности (в докладе она именуется «интуицией») Ильенков усматривал в движении живого тела по пространственным контурам внешних вещей. Эта форма движения, а тем самым и геометрия внешнего мира, кодируется в физиологической структуре тела — «мышц, нервов, мозга», — так возникает образ чувств. Впоследствии, когда то потребуется, предметная деятельность производит «обратное развертывание» пространственного образа в форму движения тела. Данную схему рождения психики из предметного действия Ильенков иллюстрировал кейсом «Юля и овраг».

Так понятая «интуиция» обща высшим животным и людям. Специфически человеческая деятельность у Юли начинается с построения *предметной модели* действия: ориентируясь на полученный образ, рука воспроизводит форму передвижения тела в овраге на поверхности пластилина. Гегель именовал такого рода акции «овнешнением» (Entäußerung). Тем самым слепоглая девушка сделала состояние *своей* психики доступным *для чужой*. Элементарный художественный акт, который она совершила, конвертировал образ в *знак*: пластилиновая фигурка обрела *значение*, сделавшись предметом человеческого общения.

В Загорском эксперименте культурная «система действий и значений» поначалу обслуживает биологические потребности. Высшая, человеческая психика возникает в тот самый миг, когда отношение между биологическим и культурным переворачивается: отныне человек «ест, чтобы жить» культурной жизнью, а не «живет, чтобы есть», отмечает Ильенков. Этот революционный переворот, в котором рождается *личность*, игнорируют эволюционистские теории психики, такие как фрейдизм.

В публикуемом докладе вдумчивый читатель найдет и другие ценные ходы мысли. На нескольких страницах перед нами — насыщенный концентрат идей, добытых Ильенковым на протяжении пяти лет участия в одном из самых сложных и блистательных научных экспериментов прошлого столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганзел И. Ильенков и язык // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 117—127. DOI: 10.31857/S004287440003879-1
2. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.
3. Маркс К. Капитал. Том I. М.: Политиздат, 1983. 906 с.
4. Мещеряков А.И. Формирование психики у слепоглухонемых // [Электронный ресурс]. URL: <http://vygotsky.tk/aime1969.pdf>
5. Jornet A., Cole M. Introduction to symposium on Vygotsky and Spinoza // Mind, Culture, and Activity. 2018. Vol. 25. № 4. P. 340—345. DOI: 10.1080/10749039.2018.1538379

REFERENCES

1. Hanzel I. Ilyenkov i jazyk [Ilyenkov and language]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2019, no. 2, pp. 117—127. DOI: 10.31857/S004287440003879-1 (in Russ.).
2. Leontiev A.N. *Lekcii po obshchej psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow: Smysl, 2001. 511 p. (in Russ.).
3. Marx K. *Capital*, vol. I. Moscow: Politizdat, 1983. 906 p. (in Russ.).
4. Meshcherjakov A.I. *Formirovanie psikhiki u slepogluhkhonemykh* [Formation of mind in deafblind persons]. Available at: <http://vygotsky.tk/aime1969.pdf> (in Russ.).
5. Jornet A., Cole M. Introduction to symposium on Vygotsky and Spinoza // *Mind, Culture, and Activity*. 2018, vol. 25, no. 4, pp. 340—345. DOI: 10.1080/10749039.2018.1538379

Информация об авторах

Ильенков Эвальд Васильевич (1924—1979).

Майданский Андрей Дмитриевич, доктор философских наук, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета (ФГАОУ ВПО НИУ «БелГУ»), г. Белгород; ассоцированный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-3878>, e-mail: caute@yandex.ru

Information about the authors

Ilyenkov Evald Vasilievich (1924—1979), PhD in Philosophy, Senior Research Associate at the Institute of Philosophy, USSR Academy of Sciences, Moscow.

Andrey D. Maidansky, PhD in Philosophy, Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation; Research Associate at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2061-3878>, e-mail: caute@yandex.ru

Получена 05.05.2021

Received 05.05.2021

Принята в печать 01.11.2021

Accepted 01.11.2021